

- [Покровский Сергей Викторович](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Покровский Сергей Викторович

Длиннобородый и ширококорогий

Сергей Викторович Покровский
ДЛИННОБОРОДЫЙ И ШИРОКОРОГИЙ
I. ДВА ДРУГА

Кончался ясный весенний день. Затерявшееся среди огромного торфяного болота небольшое озеро еще не очистилось, но лед на нем пожелтел, местами, потрескался, местами покрылся лужами набежавшей сверху воды.

Когда солнце село, по болоту побежали серые сумерки. Небо на востоке потемнело, а на западе загорелась ярким зеленоватым огнем светлая вечерняя звезда.

В это время из кустистой опушки березняка выступили две темные фигуры, остановились неподвижно и медленно повернули длинные головы к озеру.

Это были два огромных взрослых лося.

Один из них нес на голове широкие рога с большими крепкими зубцами. Другой был без рогов, и поэтому его можно было бы принять за лосиху. Но высокий рост, густая длинная борода под свирепой мордой и широкие костяные пеньки на макушке ясно говорили о том, что он также самец, только сбросивший недавно рога. Он был старше и сильнее другого и потому раньше изнашивал свои головные украшения.

Ранней весной, когда лоси расстаются с лосихами, часто бывает, что старый лось избирает себе в товарищи другого, и они неизменно бродят всюду вдвоем.

Выйдя из леса, животные осторожно тронулись дальше, подошли к узкому заливу озера, разом наклонились к воде и стали пить.

Пили они долго, поводили большими ушами, иногда хлопали ими себя по щекам, изредка поднимали головы и прислушивались.

Длиннобородый пил особенно жадно и для удобства даже слегка расставил передние ноги. Когда лоси напились, они выпрямились и стали слушать.

Вдруг они подняли морды и тревожно захрапели; глаза их налились кровью, а ноздри широко раздулись.

На полянку из чащи мягко выскочил волк и рысцой побежал вдоль

опушки...

Через минуту он остановился, почуяв сохатых, и присел на задние лапы. Вдруг он поднял голову и жалобно завыл, издавая плачущие звуки, которые заканчивались тонким взвизгиванием.

Лоси стояли неподвижно, готовые броситься на врага.

Но волк внезапно оборвал вой и, поджав хвост, побежал своей дорогой и скрылся в чаще. Почти сейчас же по его следу выскочила волчица. Остановившись на опушке, она осмотрела ее внимательным взглядом и тихо взвизгнула, оглядываясь в оставленную чащу. Оттуда выбежали три волчонка, и вся волчья семья двинулась гуськом через полянку, не обращая внимания на лосей.

Едва лоси проводили глазами это удивительное шествие, как несколько зайцев, прижав к спине длинные уши, большими, но медленными прыжками перебежали полянку, поминутно останавливаясь и оглядываясь назад.

Затем целый выводок молодых глухарей с шумом перелетел поляну и опустился в противоположных кустах. Вслед за ним несколько рябчиков пролетело в том же направлении. Рябчики сели на деревья на опушке, посидели немного, поворачиваясь туда и сюда, но скоро снова поднялись и исчезли во мраке леса. Еще через минуту до слуха лосей долетело тихое: "ко-ко", "ко-ко", и старая тетерька, окруженная дружным выводком тетеревят, вышла на середину поляны и торопливо зашагала вперед.

Это все было очень странно и предвещало что-то недоброе. Вместе с тем это переселение животных и птиц не было похоже на бегство от человека.

В этом случае беглецы летят, бегут торопливо, без остановок, пока чувствуют близость преследователя.

Здесь звери, напротив, уходили, как будто в раздумье, как бы нехотя, и все же невидимая сила гнала их вперед вопреки их желанию.

Вдруг тихо качнулись ветви, зашептались деревья, и беспокойная волна ветра промчалась над лесом.

Лоси сильно потянули воздух, и шерсть на их горбатых загривках встала дыбом. Ветер донес запах далекой лесной гари.

Ночь понемногу темнела. Зажигались звезды. Приносимый ветром запах дыма делался все сильнее.

Лоси зафыркали и вышли из кустарника, где они скрывались до сих пор.

Движения их стали тревожными, они поводили ушами и вздрагивали кожей. Пораздумав, они двинулись прямо на юг, чтобы обойти тот дымный

костер, который встревожил их обоняние.

Огромные темные тела их беззвучно, как живые тени, зашагали через потемневшую полянку, мерно качая длинными сердитыми головами.

Они шли один за другим, наклоня при каждом шаге свои бородатые головы и кося глазами. Пройдя поляну, они вступили на старую звериную тропу, по которой привыкли ходить много лет. Здесь, под густыми сводами ветвей, запах дыма был не так заметен.

Но когда после нескольких минут ходьбы они вышли на другую поляну, ноздри зверей стали ясно различать горький запах лесной гари, и видно было небо, на севере пожелтевшее от зарева далеких огней.

Теперь были видны также розовые клубы дыма, подымавшиеся из-за зубчатой стены елок, и порой тяжелое падение обгоревшего ствола глухо долетало до слуха.

Лоси ускорили шаг. Начинаясь ветер, искры взлетали и падали на соседние елки, и сухие смолистые хвои вспыхивали одна за другой, словно факелы среди густого ночного мрака.

Когда лоси взошли на высокую грядку холмов, через которую вела их привычная звериная тропа, они увидели с их вершины уже целую бурю огня, бушевавшего в долине. Туча багрового дыма крутилась над гибнувшим лесом, и в ярком ореоле огня, светящегося дыма и сверкающих искр видно было мелькание крыльев испуганных птиц. Они вились над пламенем, как ночные бабочки над яркой лампой. Карканье разбуженных ворон, шипение пламени, треск сгоравших веток слышались ясно в лесной тишине. Удушливый горький дым застилал собою даль и захватывал дыхание. Начинаясь долгий лесной пожар, истребитель таежного царства. Огонь пожирал одно дерево за другим. Зловещее зарево все шире расстилалось по небу.

Лоси долго стояли, повернув к пожару свои налитые кровью глаза. Вдруг старый Длиннобородый вытянул шею, и могучий глухой рев потряс его тело и притаившуюся глубину леса. Рев этот повторился несколько раз; скоро к нему прибавился другой, более высокий голос младшего лося.

Они долго ревели вдвоем на вершине песчаной гряды, озаренные красным отблеском близкого лесного пожара. Их голоса то чередовались, то сливались вместе и далеко разносились в неподвижном воздухе ночи.

Тайга выгорела на огромном протяжении. Люди собирались корчевать пни и готовить для пашни новую почву, никогда не знавшую сохи и пропитанную золой и лесным перегноем. Они ждали большого урожая от земли, обгорелой, дымящейся, мрачной...

А лоси ушли далеко на юг от черного печального пожарища, как ушли

от него все птицы и звери, - все, что могло убежать или улететь.

С этих пор оба старые друга начали вести беспокойную бродячую жизнь, переходя с места на место, с одного болота на другое, не находя себе нигде пристанища по душе.

В этих бесконечных кочевьях они испытали немало приключений и бед. Они натыкались на людей и убегали от них, встречали волков, которых прогоняли без большого труда. Попадали в трясины, через которые перебирались с напряжением всех своих сил. Длиннобородый ступил однажды в волчий капкан, из которого вырвал ногу, но глубоко изодрал ее, изуродовал копыто и долго после того поджимал ногу и прихрамывал, когда приходилось на нее наступать. Отважная рысь прыгнула с дерева на шею меньшему лосю; но Длиннобородый сбил ее рогом на землю, и дерзкий хищник погиб под ударами могучих копыт свирепых лесных чудовищ.

В глубоком узком овраге, под сводом еловых ветвей, лоси встретили молодого медведя, с которым вступили в бой и заставили спастись бегством.

Однажды охотники выследили их и устроили на них облаву. Им удалось прорваться и убежать, но оба они были ранены и сильно ослабли от долгой погони.

Во время бегства, истекая кровью, лоси встретили на пути большое озеро, которое им пришлось переплыть. На озере был ветер и высокие волны. Волны захлестывали им ноздри и слепили глаза. Холодная вода студила их разгоряченное тело. Плыть было тяжело, раны болели, но возвращаться было нельзя, потому что погонщики были сзади на берегу. Они кричали им вслед и несколько раз стреляли из ружей.

Выбиваясь из последних сил, лоси добрались до другого берега и ушли через непролазные топи и трясины, через высокие заросли, через топкие торфяники, поросшие кривым осиновым лесом.

Они ушли далеко, но были в конец обессилены и истощены. Несколько дней провели они, лежа в глухой осиновой чаще, без питья и почти не принимали пищи. Раны горели и сочились, каждое движение возобновляло кровотечение и боль. Мучительная лихорадка кидала их то в жар, то в холод.

Когда наконец могучие силы зверей победили болезнь, они встали и пошли на водопой. Ноги еле держали их; колени гнулись; головы были низко опущены к земле; усталые глаза уныло смотрели перед собой. От каждого шороха они вздрагивали и останавливались, но казалось, что бежать они больше уже не в силах. Выйдя к воде, они осмотрелись и

начали пить.

Они пили долго и много, и видно было, как их тонкая кожа тесно обтянула проступившие кости и ребра.

С тех пор лоси начали поправляться. Силы понемногу возвращались, и они снова начали делать большие переходы, подвигаясь все далее к югу.

Наконец они вышли в широкую долину Волги.

Теперь лоси попали в страну, более густо населенную людьми. Но люди здесь жили землей, а не охотой, и оставляли лосей в покое.

Здесь было меньше волков, а росомах и рысей не было вовсе. И ни разу зловещие зеленые глаза не сверкнули на них в глубине древесных ветвей.

Встреча с людьми понемногу перестала их сильно тревожить.

Женщины убегали от них, а крестьяне продолжали идти своей дорогой, порою лишь стараясь испугать лосей криками, улюлюканьем, но не пускаясь в погоню и не причиняя им никакого вреда.

Наконец лоси забрели в большой смешанный лес, который кольцом обступил обширное торфяное болото с небольшим озерком посредине. Лес был глухой и тихий. Заросли высоких кустов хорошо скрывали их днем. Ночью лоси без помехи могли ходить в нем, куда хотели. Порой они выходили на опушку, к крестьянским лачугам, за которыми видели по вечерам яркие звездочки огней в окнах темных избушек.

II. ОСЕННИЕ ДРАКИ

Незаметно подкрадывалась осень.

Появились желтые гроздья осенней листвы в потемневшем изумруде вершин. Раньше стало прятаться солнце, а ночи делались все холоднее и темнее. В темном ночном небе все ярче разгорались бриллианты звездных искр. Мерцающий Млечный Путь все явственней выступал и светился в густеющей глубине небес.

Лоси стали чесать свои рога о кусты и деревья, - надоедливый зуд не давал им покоя.

Кожа и шерсть клочьями сдирались с рогов, свешивались с них в виде темных лохмотьев, а из-под них проступала наружу окаменевшая светлая кость.

Прежняя тесная дружба двух лосей начинала понемногу уступать новому недружелюбному беспокойству. Порою во время обдирания кожи Длиннобородый вдруг грубовато стучал своими тяжелыми рогами в бок своему товарищу, который при этом поворачивался, поднимал дыбом шерсть на загривке и, с хрипом наклоняя голову, сердито потрясал своими широкими рогами, которые в этом году выросли у него тяжелее и больше,

чем у Длиннобородого. Глаза у обоих гневно сверкали и наливались кровью, и они, постояв друг перед другом в угрожающих позах, с храпом медленно расступались, сердито угрожая кому-то широкими зубцами рогов.

Такие ссоры стали повторяться все чаще и чаще, обыкновенно неожиданно для них самих, и лоси стали вести себя так, словно они сильно надоели друг другу.

Однажды, когда Длиннобородый вернулся после одной из ночных прогулок, он не дождался своего ширококорогого товарища. Ширококорогий, сильно выросший и окрепший, последние дни был особенно беспокоен. Несколько раз он сам начинал ссоры с Длиннобородым. После одной из таких коротких ссор они разошлись с сердитым фырканьем: Длиннобородый в одну сторону, Ширококорогий в другую.

Ширококорогий не возвратился и на следующий день, а Длиннобородый, оставшись один, все прислушивался и ждал и чувствовал не то раздражение, не то тревогу. Когда пришел вечер, он вскочил, быстро пошел, нюхая траву и вглядываясь в темные лохматые фигуры кустарников.

Для Длиннобородого наступило тревожное время скитаний. Он бродил по лесам и болотам, делая большие круги вокруг торфяника и озера, возле которых прожили столько времени.

Он узнал, что на десятки верст кругом тянутся то леса, то болота, то серые луга по течению извилистых рек, то сжатые пожелтелые поля.

Поле он переходил ночью, но в болотах и лесах скитался и днем, не зная ни отдыха, ни покоя. Теперь он мало ел, мало пил и почти не спал.

Низко опустив голову, словно чуя чьи-то следы, шел он вперед и вперед, иногда возвращался к озеру, иногда вновь уходил от него на целые десятки верст.

Однажды лось наткнулся в лесу на крестьянина в красной кумачовой рубашке, с белой котомкой на согнутых плечах. Вместо того, чтобы свернуть в чащу, Длиннобородый ощутил прилив необычайной ярости и вдруг, наклонив рога, побежал на человека.

Крестьянин был страшно перепуган неожиданным нападением рогатого зверя. Бросив котомку, он ударился в поспешное бегство и начал карабкаться на развесистые ветви старой сосны, росшей у края поляны.

Когда лось добежал до сосны, крестьянин был уже высоко.

Эти неудержимые приливы ярости предвещали что-то новое в жизни лося.

И это новое скоро настало.

Была холодная полночь. Белые лучи луны пробивали лесную глушь и

ложились на траву зелеными пятнами.

Было тихо. Ветви не шептались между собой. Только порой срывался увядший осенний листок и с шуршанием падал на землю, которая уже покрылась тонким слоем опавшей листвы.

Тяжелый треск ломавшихся ветвей послышался в чаще. Кто-то большой шумно шел через кусты, и скоро легкие звериные шаги, глубокое неровное дыхание и сдержанное фырканье послышались за ближайшими кустами.

Еще несколько минут - и по сырой тропинке, стиснутой ореховыми кустами и растопыренными купами волчьих ягод, уже увешанных почерневшими круглыми бусинами плодов, показались две темные фигуры.

Тонкий и уже высокий четырехмесячный лосенок на длинных, как тростинки, ногах выскочил на поляну, а за ним усталой походкой выдвинулось худое, слегка горбатое тело лосихи.

Выйдя из чащи, звери остановились, и лосиха напряженно втянула в себя воздух и стала слушать. Оба зверя повернули голову назад, как будто где-то за ними была приближающаяся опасность.

Вдруг они оба вздрогнули. Глухой, отрывистый, несколько раз повторившийся рев донесся издали, всколыхнув разбуженную лесную тишину. Лосиха как будто замерла от этих далеких звуков, а лосенок прижался к ней, дрожа всё телом.

Рев повторился ближе, и лосиха, мотнув головой, пошла вперед, подталкивая лосенка. Оба они казались усталыми и тревожными.

Прошло некоторое время, рев снова раздался, на этот раз гораздо ближе, и скоро по следу прошедшей лосихи послышался приближающийся шум ветвей.

Через несколько минут из орешника высунулась рогатая голова Длиннобородого.

Он шел быстрой широкой иноходью, пригнув шею к земле, с глазами, налитыми кровью, тяжело вдавливая копытами шуршащие листья в мягкий лесной перегной. Рога его по временам задевали за ветви осин и с треском ломали их.

Восток засветился бледными лучами зари, когда лосиха с лосенком, изнемогая от усталости, вышли к торфяному болоту из той самой чащи по кособору, откуда впервые Длиннобородый с товарищем увидели озеро.

Они едва переступали разбитыми ногами, когда, пройдя кустарник, увидели перед собой открытое место, далекую, устланную туманом равнину озера и болота. Оба остановились, как бы раздумывая, что делать.

Лосиха сделала еще несколько шагов, но вдруг стала, потому что

лосенок вдруг подогнул ноги и улегся на мягкой, покрытой листвой почве.

В то же время узкая голова Длиннобородого высунулась из опушки. Завидев стоящую лосиху, лось крупными шагами направился к ней.

Она не двинулась с места, только испуганно глянула на него большими темными глазами.

Длиннобородый, высоко подняв косматую голову, потрясая венцами рогов и встряхивая черной прядью своей бороды, уже подбегал к ней с гордой осанкой, танцуя на длинных и стройных ногах, упругих, как крепкие стальные пружины...

С этих пор Длиннобородый всюду ходил только с лосихой и лосенком. Лосиха больше не боялась и не убегала от страшного лося. Она знала, что он гораздо сильнее ее, но что и его сила, и его мощные рога, и его крепкие острые копыта будут защищать и ее, и ее лосенка от всех врагов.

Теперь она могла меньше бояться волков, теперь к ее чутью и тонкому слуху прибавилось еще тонкое чутье и слух Длиннобородого, и когда в полуденный час они стояли все трое в ольховнике журавлиного островка, она чувствовала себя гораздо безопаснее, чем раньше.

По ночам они выходили к озеру, чтобы покормиться кислой клюквой на торфянике и, одетые белым туманом, подолгу простаивали у воды, прислушиваясь к таинственным ночным голосам.

Прошло несколько дней. Семья лосей прочно поселилась среди лесистого болота. Жидкие топи берегли их покой.

Однажды в утренний час Длиннобородый, лосиха и тонконогий лосенок мирно дремали у края торфяного болота.

Неожиданно чуткое ухо Длиннобородого уловило неясный шум, показавшийся ему подозрительным.

Длиннобородый весь встрепенулся, пригнул голову к земле, опять поднял ее кверху, переступил несколько шагов и замер на месте в немом ожидании.

Шум приближался все больше, уже слышен был хруст валежника и шелест сухой листвы.

Еще мгновение, и глухой, отрывистый голос лося послышался оттуда и гулко раскатился в воздухе. Длиннобородый ступил вперед и ответил ему вызывающим, яростным ревом. Вытянувшись всем телом вперед, он дрожал от напряжения каждым мускулом, каждым суставом.

Вновь шелохнулись сучья, зашуршали упавшие листья, и навстречу ему вышел огромный Ширококорый лось, с глазами, налитыми кровью, с белой пеной у губ и гневно вставшею на загривке шерстью.

Теперь это были два смертельных врага.

Теперь наступила пора, когда два рогатых лося не могли видеть друг друга без того, чтобы не помериться силами и не завязать друг с другом ожесточенного поединка.

Теперь один из них думал о том, чтобы отстоять свою семью, другой горел желанием: завладеть ею. И они ненавидели друг друга.

Широкорогий бросился первый. Он нагнул голову, и рога их сшиблись с глухим стуком, кость о кость.

Лосиха и лосенок с испугом отбежали к опушке и, повернув назад шеи, глядели на битву.

Перед ними развертывалась ужасающая картина. Звери силились сбить друг друга с ног, старались вонзить в глаз противнику передний зубец своего рога. Упираясь рогами и лбами, они так напрягали ноги и туловище, что оно почти растягивалось по земле. Пена бежала у них изо рта; все тело дымилось от пара, злобный рев потрясал воздух, а глаза были полны крови и слез.

Порой враги расходились и снова кидались навстречу с такой силой, что стук их рогов далеко разносился кругом, а из легких вырывался тяжелый храп, переходивший порой в яростный стон.

Место, на котором кипел бой двух гигантов, было словно распахано острыми копытами зверей.

Широкорогий оказался слабее Длиннобородого, но, кроме того, более горячим и более ловким в бою.

Желая избежать рытвин, Длиннобородый хотел перейти и вдруг ступил на топкое место. Отражая при этом удар противника, он поскользнулся и упал на колени. Этого было достаточно для того, чтобы Широкорогий тотчас же сбил его на землю и, не давая оправиться, крепко ударил рогами в грудь.

Длиннобородый больше не защищался. Он только попытался встать, но был снова опрокинут ударом противника. Широкорогий словно обезумел от битвы; он уже без нужды продолжал бить упавшего и рогами и копытами и, быть может, забил бы насмерть, если бы жалобное мычание лосихи не отвлекло его от врага. Оставив его, Широкорогий побежал к ней, а она в испуге бросилась в бегство, как когда-то убегала от Длиннобородого.

Ее преследователь был изнурен напряженной борьбой, и лосихе удалось легко опередить его вместе со своим тонконогим лосенком.

III. СНОВА ВМЕСТЕ

Прошло несколько месяцев. Стояла глубокая зима. Ветви берез принарядились инеем и снегом. Широкие лапы елок держали на себе целые

подушки снежного пуха.

У белок наступала беспокойная пора перед тем, как они начинают жить семьями, - пора игр, неутомимой беготни и жестоких ссор между самцами.

Когда однажды белки гуськом спустились на снег, они вдруг были остановлены необычайным видом поляны.

Вместо пушистой белоснежной скатерти перед ними было вытопанное место, усыпанное волосками выпавшей бурой шерсти и раскиданными там и сям кучками навоза. От плотно утопанного снега крепко пахло тем особенным запахом, который идет от зверей с копытами и рогами, и на земле можно было различить несколько продолговатых углублений, вероятно, отпечатавших крупные тела отдохавших животных.

И в то же время где-то позади послышался шелест ольховника и шум нескольких пар тяжелых ног. Белки опроретью кинулись вверх по сосновым стволам и, взобравшись на ветви, с любопытством уставились своими быстрыми маленькими глазенками на приближавшихся животных.

Это были лоси.

Впереди шел крупный самец, за ним две самки, а за каждой шагало по два десятимесячных лосенка, уже окрепших и сильно подросших. Сзади шла лосиха с одним тонконогим лосенком. Шествие замыкал огромный лось с молоденькой лосихой. Он слегка прихрамывал, а на груди и боках были заметны несколько крупных рубцов, затянувших глубокие и широкие раны.

Это был не кто иной, как Длиннобородый, а передний - его победитель, Ширококорогий.

Не так давно они снова сошлись вместе. Ширококорогий ходил с довольно большим стадом, состоявшим из трех лосих с пятью лосятами. Одна из этих лосих была та самая, которую он отбил у Длиннобородого, чуть не убив его самого.

Длиннобородый не сразу оправился после неудачного боя, но его могучая натура и на этот раз взяла свое.

Силы вернулись к нему, и он снова начал бродить, и как только немного окреп, покинул торфяное болото, ставшее ему постылым. Снова он делал большие переходы по ночам, забираясь на день в лесные чащи или поросшие кустами болота, где молчаливо простаивал, отдыхая и подкармливаясь древесной корой.

Когда прошла осень и наступила зима, миновала для лосей беспокойная пора усиленных скитаний и ожесточенных битв, сильно подрывавших силы старых лосей. Каждый мирно бродил со своим стадом и

не зарился на чужое.

Вот в это время к стаду Широкогого неожиданно вышел на одной остановке Длиннобородый. Он был не один. Молоденькая, изящная лосиха доверчиво шла за ним, упруго ступая тонкими ногами.

Оба самца подошли и обнюхались. Мысль о поединке теперь не пришла им в голову. Они хорошо узнали друг друга. Пора боев миновала для них вместе с осенними днями.

И лоси не разошлись, а образовали одно дружное общее стадо. То один, то другой лось шел впереди, а порою все стадо послушно следовало за самой старшей лосихой.

Когда миновала первая половина зимы и дни стали заметно прибавляться, самцов потянуло на большое болото у озера, и они повели к нему остальных.

Запутанными путями добрались они наконец до озера и основали свое пастбище на том самом лесистом берегу, на котором так часто скрывались когда-то они оба в прошлом году.

Стадо из одиннадцати лосей, поселившееся на лесном болоте, не могло, конечно, остаться незамеченным для людей. Как ни были осторожны лоси, они не могли избежать встречи с двуногими существами. В лесу люди чаще и чаще встречали крупные размашистые следы лосиных копыт; дровосеки находили следы зубов на стволах и оголенные лосями кустарники и молодые деревца. Запоздалому путнику случалось застать иногда все стадо, пересекающее лесную дорогу и поспешно скрывающееся в чаще.

Слухи о лосях росли, и число виденных зверей значительно преувеличивалось. Говорили, что весь лес полон лосятами, что их тут целые десятки, может быть, сотни.

Тем временем в жизни лосей наступила важная перемена.

Пришла весна с ее светом, движением, туманом и радостным гомоном птиц. Забормотали в глуши старые косачи, заграяли грачи, зацелкали по соснам длинными клювами дятлы. Старая лосиха последнее время испытывала смутную тревогу.

Ей стало казаться, что на их лосиных тропинках и в тех местах торфяника, куда ходили лоси, стало чаще и чаще пахнуть следами человека. Ее звериное чутье говорило о том, что это не предвещает добра. Она несколько раз пыталась увести стадо от становящегося опасным болота, но это ей не удавалось.

Самцы упрямылись и поворачивали назад: они привыкли к глухим дебрям лесного болота.

Но однажды, когда стадо прошло наискось через лес и вышло к темным крестьянским полям, которые нужно было перейти в другой лес, тянувшийся на несколько десятков верст вдоль реки, самцы, как и прежде, остановились и повернули назад.

На этот раз лосиха не последовала за ними. Теперь, когда оставалось каких-нибудь два-три месяца до рождения новых лосят, дружба между самками и самцами все равно должна была прекратиться. У лосих начиналась своя отдельная особая жизнь.

Они стремились стать одинокими.

IV. ГИБЕЛЬ ДЛИННОБОРОДОГО

Было за полночь, когда стадо разделилось у края мокрого леса. Длиннобородый и Ширококорый сперва были немного удивлены, что лосихи не повернули за ними. Они постояли некоторое время в кустах, оглядываясь на удалявшееся через поле стадо. До их ушей долетало чавканье вязнущих ног в размякшем суглинке пашни. Ветер доносил им знакомый запах. Казалось, они были в нерешительности, в какую же сторону им идти.

Вдруг Длиннобородый гордо потрянул огромными венцами своих рогов, фыркнул и пошел к озеру. Ширококорый двинулся вслед за ним, и оба они зашагали крупной походкой среди кустов.

Смолистый аромат отмокающих березовых почек, дух прелой листвы и пахучий воздух близкого лесного болота вливался в их ноздри.

Теперь они снова были только товарищами, которым было суждено вместе коротать время и вместе бороться за жизнь. Шаги их стали более легкими и упругими на утоптанной ногами лосиного стада тропинке.

Было раннее туманное утро, когда они вышли к торфянику, там, где обыкновенно привыкли выходить. Им давно уже было время быть в ольшанике.

Солнце показывалось из-за озера сквозь порозовевший туман. Птицы начали свои весенние песни. Тетерева, бекасы, дрозды, зяблики, вальдшнепы в лесу и гагары на озере - все были слышны тут.

Вдруг подозрительный шорох в кустах заставил друзей вздрогнуть всем телом, а через минуту гром выстрела из-за опушки оглушил их. Разом шархнулись лоси и понеслись в кусты и болотные кочки.

Им вслед прозвенели еще два выстрела один за другим, и Длиннобородый почувствовал, как что-то острое кольнуло ему в грудь. Он прибавил шагу и несколькими прыжками обогнал товарища. Они неслись, расплываясь над землей, а синеватый дым пороха клубился и застилал опушку. Из-за нее выбежали двое людей, махали руками и кричали: "Ушли,

ушли!"

А лоси через чащу, канавы и топи, через широкие весенние разливы и полные водой трясины бежали к журавлиному островку. В ушах их отдавался гул выстрелов, сердце усиленно билось.

Когда Ширококорогий почти доплыл и с усилием выбрался на островок, Длиннобородый был уже там. Но вид его был страшен и жалок в одно и то же время. Грудь его шумно вздымалась и падала, в горле kloкотали тяжелые громкие хрипы; с морды падала клочьями кровавая пена.

Все тело его вздрагивало и шаталось, он стоял, с трудом удерживаясь на ногах. Вдруг колени его стали подгибаться, и он тяжело рухнул на землю. Ширококорогий подбежал к нему и низко пригнул морду к упавшему товарищу. Тот был еще жив, но кровавая пена все сильнее бежала и пузырилась изо рта и ноздрей. Ширококорогий лизнул своим длинным языком по его теплым губам.

Длиннобородый поглядел на товарища долгим страдающим взглядом.

А кругом шевелились от ветра ветки берез, пела зорюшка в густом орешнике, блеяли бекасы над болотом, и где-то высоко под небом играли свирели перелетной лебединой стаи.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)